

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОПОГРАФИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В статье речь идет о риторических топосах как о способах обсуждения и осмысления той или иной темы. Предполагается, что изучение топоса с помощью опросного инструмента позволит увидеть «общественное мнение» не как результат, а как процесс, что усилит прогностические возможности социологического опроса.

Ключевые слова: топос, глобальная сеть, когнитивный, коммуникативный, общественное мнение, топография

В настоящей статье речь пойдет об использовании ресурсов глобальной Сети (материалов блогов и «комментов») для конструирования социальных опросов. Основная гипотеза состоит в том, что, основываясь на данных Сети, можно получать не готовые ответы, а топосы, которые затем использовать в опросных механизмах. Не являясь профессионалом-социологом, автор не берет на себя смелость предлагать законченную методику опроса. Свою задачу он видит в указании на некий веер возможностей, которые открываются при использовании извлеченных из Сети топосов. Научный пафос этой статьи — попытка обновить угасающую парадигму когнитивистики взаимодействием с заведомо коммуникативной категорией.

В отличие от концепта, топос не извлекается искусственным путем из черного ящика сознания, а эксплицитно присутствует в коммуникации [11]. И если в когнитивных методах уже «реализуется понимание опросного инструмента как коммуникативной среды» [8, с. 8], то в случае опоры на топос мы имеем возможность непосредственно трансплантировать часть естественной коммуникативной среды

Хазагеров Георгий Георгиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета.
Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д. 3, кв. 16.
Электронная почта: khazagerov@gmail.com **Сайт:** khazagerov.com

в коммуникативную среду опроса, то есть совершить следующий шаг, сокращающий расстояние между искусственной ситуацией и коммуникативным поведением.

Топос, или общее место, — категория риторическая, но даже в самой риторике она понимается неоднозначно [7, с. 98 и далее]. Для нас, однако, интересно такое понимание топоса, которое дает в руки удобный инструмент. Причем в данном случае наш прагматичный подход счастливым образом совпадает с наиболее древней и наиболее устойчивой трактовкой интересующего нас явления. Топос — аспект, в котором может быть развернута та или иная тема (см. аналогичное: структурно-смысловые модели, на основании которых создается высказывание [1]). Это очень широкое определение: аспект может подразумевать как общую логическую стратегию развертывания темы, так и вполне конкретные направления ее развития, которые, в свою очередь, могут выражаться встречающимися в речи словосочетаниями или готовыми суждениями (последнее близко формирующемуся пониманию топоса в социологии, если верить Википедии). В работах Н. Шматко и Ю. Качанова [13, 5] топос понимается в математическом (топологическом) смысле, а в качестве социологического инструмента топосы определяются как «структурные единицы публичной политики, обуславливающие практики входящих в них агентов». Такое понимание сближается с нашим по научному пафосу — выделению атомарной единицы, более адекватно отражающей реальность, чем некое понятие (для указанных работ это «группа», для настоящей статьи — «мнение»). Мы, однако, придерживаемся риторического понимания топоса.

Например, тема протестных митингов может быть раскрыта, с одной стороны, с помощью топосов «род и вид», «причина и следствие» и т. п., с другой — «оранжевая революция», «митинги проплачены» и т. п. Однако эта пугающая исследователей разноуровневость топосов лишь увеличивает наши опции.

Топос и тема

Когнитология, обогатившая свои представления о картинах мира опытом тоталитарных риторик, которые эти картины искусственно формировали, прекрасно осознала, что альтернативы в осмыслении какой-либо ситуации могут породиться не только эмпирическими данными, но и самим языком [9]. Тема раскладывается по тому цветовому спектру, который имеется в языковой картине, возможно, искусственно сформированной.

Такое понимание было большим шагом вперед в осознании гибкости человеческого языка и мышления, каковые могут значительно отклоняться от логики и эмпирики в сторону всевозможных «мифологем». Однако представляется, что сегодня, когда когнитивная парадигма в

значительной мере исчерпала себя, о чем свидетельствует длинный ряд серых языковедческих работ с ритуальным упоминанием «антропоцентризма», следует пойти дальше. К тому же в этом продвижении было бы полезно сделать акцент не только на том, как язык создает мифы и ограничивает свободу человека, но и на том, как он же ограничивает всевластие мифа и позволяет освободиться от ложных альтернатив. Во всяком случае, провальный опыт тоталитарной риторики в СССР, когда одни и те же мифы и когнитивные метафоры сначала владели умами, а потом были дезавуированы и пребывают в состоянии полураспада, образуя своеобразный когнитивный мусор, демонстрирует, что оруэлловская модель, которую лингвисты поспешили распространить на политический и даже коммерческий дискурс обычных демократических стран, хорошо описывает статику, но не динамику (подробно я пишу об этом в монографии «Тоталитарная риторика: становление, расцвет, коллапс», находящейся в настоящее время в печати). Позволю себе процитировать классика отечественной литературы, смотревшего на жизнь шире, чем современная когнитивистика, и учитывавшего в духе девятнадцатого века историческую динамику: «Агония Иудушки началась с того, что ресурс празднословия, которым он до сих пор так охотно злоупотреблял, стал видимо сокращаться». Напомню, что автор цитаты прослушал курс риторики и постоянно играл в своих антиутопиях интересующей нас категорией «общее место».

Сам образ «языковой картины мира» статичен. Но ведь эта же картина должна содержать ресурсы гибкости, иначе им неоткуда было бы взяться. Мы знаем о различных агрегатных состояниях вещества, но что мы знаем о жесткости «языковой картины мира»? Констатируя зависимость мышления и поведения от языка, неплохо задать вопрос, насколько жесткой системой является сам язык с его коммуникативной по преимуществу природой и готовностью к часто сменяющим друг друга конвенциям.

Нервом когнитивного подхода, особенно важным в социологическом аспекте, является именно формирование альтернатив. Вопрос, однако, в том, насколько жестки сами альтернативы, в чем источник их гибкой перенастройки? Конечно, фатальной для всякого «антропоцентризма» является такая чисто «антропологическая» практика, как рефлексия, позволившая наряду с «наивными» науками, увлечение которыми прошло пик в конце прошлого века, создать науки не слишком наивные, адекватно реагирующие на объективные свойства внешнего мира и даже на субъективные его свойства, если говорить о гуманитарных науках.

Но даже если не переходить на метауровень, язык обнаруживает гибкость, ибо атомами коммуникативной среды являются не истины и даже не мнения, а топосы, общие места. Причем микромир топосов

не подчиняется логике суждений, потому что топос, даже когда он имеет вид суждения, существует на дологическом уровне в виде сырого материала вроде лексических единиц. Крылатые слова и афоризмы — такие же ресурсы языкового мышления, как и обычные слова, а ресурс — это то, что определяется модальностью возможного, а не модального необходимого. Советский топос тридцатых годов «фронт борьбы» давал возможность любой вид деятельности рассматривать как арену идеологической борьбы и, соответственно, открывал широкое поле для обвинений: «вредительство на фронте науки». Разумеется, тиражирование этого контрпродуктивного для науки топоса формировало ложную картину мира, которая в какой-то мере могла детерминировать мышление некритически мыслящих людей и прежде всего тех, у кого имелись серьезные лакуны в ресурсах, позволяющих рассуждать о таком предмете, как наука. Но самый пик использования этого топоса пришелся на то время, когда и обвиняемые, и обвинители были сформированы другой картиной мира, и этим топосом скорее пользовались, чем были загипнотизированы им. После войны, когда была свежа память о настоящем фронте, топос «фронта» использовали реже. Интересно отметить, что самым анти-советским поколением было то, которое родилось при советской власти и училось в советской школе, формировавшей советскую картину мира с беспрецедентной активностью.

Топос — всего лишь ресурс, но необлигаторный характер топоса не делает его бесполезным для социологических исследований. Знание коммуникативного инструментария дает возможность глубже заглянуть в мир «мнений», узнав о них на стадии их конструирования.

Топос — это не концепт, не «сгусток культуры», это просто способ, с помощью которого может быть развита тема, развернуто высказывание. Способность к развертыванию, динамизм топоса — это первое свойство, привлекательное для тех, кто хочет использовать его для каких-либо прогнозов (А). Второе свойство, в котором заключается диалогическая природа топоса, — его виртуальность; оно тоже представляет интерес в прогностическом плане, так как позволяет отслеживать более тонкие вещи, чем в случае ответов на альтернативные вопросы: «или — или» (Б). Третье свойство топоса заключается в том, что, будучи категорией коммуникативной, а не когнитивной, он ближе стоит к «делу», к поведению, чем «мнение» (В). Рассмотрим эти свойства подробнее.

А. Любая обсуждаемая тема может быть развернута и действительно развертывается с помощью топосов. В этом смысле топосы можно представлять себе как узлы графа, ребра которого исходят из начальной формулировки темы. Именно так представляла себе работу с топосами риторика, например, когда Ломоносов показывал, как последовательное использование топосов служит тематической

моделью порождения текста: от каждой вершины можно тянуть ребра к новым вершинам. Рассматривая в качестве примера тему «Неусыпный труд препятствия преодолевает», Ломоносов показывает, что каждый член предложения может быть развернут с помощью топосов, так «неусыпность» разворачивается им следующим образом: «1) утро, в которое неусыпный человек рано встает; 2) вечер и ночь, в которые он не спя в трудах упражняется. Вторичные идеи, которые от первой — утро — происходят, суть: заря, скрывающиеся звезды, восходящее солнце, пение птиц и прочая. Третичные идеи, которые от вторичной — заря — рождаются суть: багряный цвет, сходство с некоторою округлою дверью и прочая» [6, с. 354].

Отсюда в частности следует, что топос можно использовать прогностически, раскладывая тему по ее вероятным расширениям. Скажем, если темой беседы или предметом мысли будет болонский процесс, весьма вероятно появление топосов, которые в одной из систем назывались, соответственно, «от места» и «от времени» [4, с. 436 и далее]. Иными словами, достаточно вероятно, что речь пойдет о специфике этого процесса применительно к местным реалиям («Болонский процесс в России») или о специфике применительно к современности («Болонский процесс и информационное общество», «Массовое общество и болонский процесс»). Подобные развертывания, как видим, совсем не обязательно являются мнениями, готовыми точками зрения. Даже если их формулировать в виде суждений («Болонский процесс не подходит к российской действительности»; «Болонский процесс необходим в информационном обществе»), такие суждения в конкретном случае могут как утверждаться, так и опровергаться. Но само выделение вероятных реперных точек может послужить базой для дальнейшего социологического опроса.

Топос, таким образом, позволяет предвидеть именно *ход* мысли или диалога, то есть дает представление об аспектуализации темы в динамике. Например, вокруг темы «протестные митинги» вполне вероятны топосы «оранжевые революции», «средний класс», «вашигтонский обком», «авторитаризм» и т. п. (мы не касаемся пока уровня абстракции топоса, его близости к конкретному суждению или доводу). Понятно, для чего нужны были подобные топосы классической риторике. Каждый поворот темы мог подсказать какой-нибудь аргумент или навести на мысль об аргументе противника. Дает ли, однако, что-нибудь такая топография в прогностическом отношении? Ведь в ряде случаев она кажется тривиальной. Думается, что дает, потому что это и есть те самые альтернативы, на которые раскладывается тема, не жесткие логические альтернативы, а коммуникативные. Они соответствуют тому, что в риторике называлось анатомией. К тому же — и это уже важно для социальной диагностики — альтернативы эти имеют разные весовые коэффициенты.

Узлы графа обладают разной степенью активности, а в длительной перспективе одни узлы могут угасать, а другие возникать. Ясно, что активность не выводится однозначно из позиции говорящего, например, из положительного или отрицательного отношения к болонскому процессу или к митингу. Ясно и то, что определенная зависимость от позиции все-таки есть, но она корректируется представлениями об адресате речи и вообще об узусе, о том, как говорят о данной теме, а это и есть, с моей точки зрения, самое ценное.

Работая с топосами, мы стараемся построить топическую карту (об алгоритме ее построения см. ниже), отражающую закрепленный в узусе способ рассуждать на данную тему, но нам вовсе не надо на этом этапе стремиться сделать вывод о мнении по данному вопросу. Ведь такого мнения может просто не быть. Конечный вывод из наличия расхожих коммуникативных конструкций респондент может и не формулировать для себя. В таких случаях вывод делается лишь тогда, когда респондента опрашивают, то есть подталкивают к выводу. В живом узусе выводы тоже редко бывают плодом одинокого размышления, но в коммуникативной ситуации к ним подталкивает сама жизнь.

Б. *Далее, подчеркнем, что ребра графа, исходящие из одной вершины — это лишь потенциальные возможности.* Выбор одного из этих ребер в качестве единственного ответа на вопрос сужает наше представление о коммуникативном поведении респондента, которому предстоит развертывать эту тему. Часто высказывания одного и того же респондента в ходе проведения фокус-группы оказываются взаимоисключающими. Но это противоречие сам респондент справедливо не фиксирует. Ведь мы, например, пользуемся пословицами (наборами общих мест), не обращая внимания на то, что они противоречат друг другу. В действительности речь идет об узлах коммуникативного или когнитивного процесса, которые лишь искусственно могут быть поставлены в отношении «или — или». Это, однако, совсем не означает релятивизма или непредсказуемости поведения (во всяком случае, коммуникативного) респондента. Если данная тема, скажем, «свобода слова», имеет свой каркас общих мест, на которые она раскладывается, это совсем не значит, что каждый респондент признает все общие места. Среди этих мест обычно находятся такие, которые некоторой социальной группе оказываются абсолютно чужды. Но и те, что возможны, имеют разные вероятностные коэффициенты, что выяснится, если перепроверить эти топосы, предлагая оценить не общий вопрос, а отдельный топос, который ведет к ответу на этот вопрос.

Топос, таким образом, демонстрирует, что альтернативы, предопределяющие наши возможности рассуждать о теме, не носят рокового характера и не детерминируют жестко мысли и поведение. Здесь прямая аналогия с фольклором — народной мудростью, — который всегда оставляет своему носителю люфт, а отнюдь не превращает его

в работа с заранее заданным поведением. «Шаткость» паремиологического¹ материала, из которого, в частности, выводят «дух народа» и его социальное поведение, включает в себе неустранимую гибкость. С одной стороны, мы находим в русских пословицах обильные доказательства того, что «бояре» выглядят помехой для работы единственно естественного института — «царя», с другой — внезапно обнаруживаем, что «без правды боярской царь Бога прогневит». Только в советской фальсификации фольклора подобных «сбоев» не было. Но тотальный контроль над общими местами возможен лишь в антиутопиях, потому что любой носитель языка знает, что общие места, как и сам язык, даны ему во благо, а не для его дезориентации, а гибкость, «люфт» — естественное свойство этого блага. Само устройство языка, устройство коммуникации противится тому, чем вот уже пятьдесят лет пугают нас ученые коллеги: кто называет вещи, тот владеет миром. Если к этому афоризму добавить смягчающие обстоятельства: «на некоторое время», «в отдельных случаях», «зачастую», «в какой-то мере», то с ним, пожалуй, можно согласиться.

В. *Третье свойство топоса — его заведомо коммуникативный характер.* Мы не знаем, как поведет себя тот или иной человек в жизни, но его коммуникативное поведение мы можем предсказать с большой степенью достоверности с помощью анализа топографии. Некоммуникативное поведение легче выводить из атомов коммуникации, чем из мнения, полученного аналитическим путем. В свое время (в 2001 г.) С.А. Белановский писал, что в российской исследовательской практике работа по логическому расчленению вопросов часто не доводится до конца [2, с. 79]. Но именно топосы дают расчленение вопроса, причем даже не логическое, а коммуникативное, то есть наиболее естественное. Коммуникативный характер топоса обладает мотивирующим эффектом, вовлекает респондента в общественный диалог.

Топосы, которыми мы живем

В структурном плане топос представляет собой чрезвычайно пестрое явление — от абстрактных схем до конкретных тем и даже готовых суждений. Афоризм «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» есть общее место в житейском смысле слова и топос в точном смысле слова, так как с его помощью можно развить ту или иную тему. Но логическая схема «род и вид» также является топосом, «местом», так как и эта схема помогает оратору в его инвенции (русская калька латинского слова — нахождение, на-хождение, попадание в определенное «общее место»). Но вопрос о том, как классифицировать топосы, объединив логические операции и готовые сентенции,

¹ Паремиология — раздел филологии, изучающий паремии — пословицы, поговорки, речения, изречения и проч. — *Прим. ред.*

может заботить филологов, которые легко находят естественный выход в описании исторических изменений (чему, кстати, соответствует топос «история вопроса»). С прикладной же точки зрения мы сталкиваемся с совершенно иной проблемой: нам надо знать, на какой список топосов удобно опираться при решении той или иной задачи (чему соответствует топос «выбор варианта»).

Выбор типа топоса всецело зависит от задач исследования. Если мы хотим прогнозировать ход развития научной мысли, нам следует придерживаться абстрактных топосов. Скажем, для оценки научной мысли релевантно сравнивать такие модели развертывания темы, как установление родовидовых или генетических отношений (топос «род и вид» и топос «происхождение»), отношений жесткой детерминации («причина и следствие») или отношений «вариант — инвариант». Для одних научных школ, эпох характерно одно, для других — другое. В коммуникативном менеджменте, где топика является инструментом для принятия решения и важна при обсуждении темы, удобна «предметоцентрическая» система топосов, восходящая к поздней античности («до предмета» или «вокруг предмета» и т. п.). В целом можно, наверное, утверждать, что там, где мы оцениваем эффективность, ставим задачу оптимизации дискурса, разумно работать с достаточно абстрактными топосами.

Нас, однако, интересует общественная или даже общественно-политическая коммуникация и притом не столько в плане ее оптимизации, сколько в плане прогнозирования социального поведения. Нас, следовательно, должны интересовать те топосы, которые напрямую связаны с оценочностью. Это сразу предполагает наличие лексически охарактеризованных топосов, так как именно слово обладает оценочной коннотацией. Такой коннотацией обладают и сочетания слов («вашингтонский обком»), и полупредикативные единицы («опережая время»), и, конечно, законченные суждения («Американцы примитивней нас»). Все это топосы реально применяются при развертывании различных общественно-политических тем, в том числе и в глобальной Сети.

В мире этих конкретных топосов, как мне кажется, наибольший интерес представляют собой *перифразы* и *готовые суждения с эксплицитно выраженной оценкой*.

Перифраз традиционно определяется как замена слова описательным выражением и обычно рассматривается как троп тождества, то есть ставится в один ряд с другими тропами — метафорой, метонимией и иронией (антифразисом) [10, с. 273], хотя при этом нередко признается метафорическая, метонимическая или ироническая природа перифраза [3, с. 371]. Исторически в понятии перифраза слились два свойства: первое роднит его с экспрессивным синонимом и традиционно не отражается в дефиниции, второе, отраженное в дефиниции, сближает его с плеоназмом, избыточностью (иногда в этом случае

употребляют термин «периссология», на это сближение обратил внимание уже Квинтилиан [14, р. 139]).

Следует признать, вопреки языковедческой традиции, что многословие является все же периферийным свойством перифраза, так как основная функция последнего — описание предмета с акцентированием каких-то его свойств, причем это описание в принципе может укладываться и в одно слово. Однословные перифразы — это и разновидности антономазии («Плюшкин» в значении «скупой человек»), и перифразы-фразеологизмы, сократившиеся до одного слова («вертикаль» из «вертикаль власти»). Основная функция перифраза вне художественного дискурса — активизировать в сознании слушателя какую-то одну сторону предмета, что чаще всего связано с оценкой. В художественных текстах на первый план выходит многословие украшающего перифраза, чем и объясняется традиция описания этого явления.

Основные функции перифраза в общественно-политическом дискурсе — это эвфемизация (смягчение сказанного) и дисфемизация (огрубление сказанного), о которых обычно пишут исследователи этого дискурса. Можно также прибавить близкие, но не всегда совпадающие функции: мелиоративность (придание описанию оттенка похвалы) и пейоративность (придание оттенка осуждения) [12, с. 178 и следующая]. Все это делает перифраз любимым инструментом для выражения оценок в общественно-политическом дискурсе.

Рассмотрим в качестве примера эвфемистический и отчасти мелиоративный перифраз «принуждение к миру» и пейоративный, но не дисфемистический перифраз «вмешательство во внутренние дела». Оба выражения могут быть отнесены к одной и той же реальности, и они действительно использовались в описании недавних ливийских и более давних грузинских событий. Ясно, что оба перифраза могут быть рассмотрены как топоры, развертывающие, скажем, тему арабских революций. Кстати, и само восстание может обозначаться мелиоративно как «арабская весна» и пейоративно — «вылазка экстремистов». Служа способом интерпретации факта, все эти выражения представляют собой и аспект развертывания темы, чем обусловлено стремление перифраза фразеологизироваться, стать «общим местом» уже в бытовом значении этого словосочетания.

Следует учесть, что перифразы, особенно фразеологизированные, могут быть закавычены и употребляться иронически. То есть о «весне» может говорить тот, кто считает события экстремистской вылазкой, а о «вылазке» — тот, кто считает их благоприятным обновлением политического климата. Последнее обстоятельство не только не затрудняет работу с топикой, но, напротив, облегчает, ибо иронические кавычки — это уже оценка.

Разумеется, не все перифразы имеют антонимичные выражения вроде «весна — вылазка». Так, хорошо известное выражение «вертикаль

власти» есть перифраз для обозначения определенных политических отношений, он не имеет антонима, вследствие чего и заложенная в нем мелиоративность выражена не ярко, а сам он встречается в разных по оценке политической действительности контекстах. Тем не менее это топос — способ рассуждения о политических реалиях сегодняшнего дня. «Партия жуликов и воров», напротив, не только оценочный, но и дисфемистический перифраз, существующий в одной парадигме с выражением «партия власти».

Одним из источников пополнения перифраз являются осколочные цитаты, что лишней раз подтверждает функциональную независимость этого тропа от многословия. Таково, например, выражение «мочить в сортире» или «кошмарить бизнес».

Построение топической карты

Благодаря тяготению к устойчивости перифразы становятся очень удобными топосами для развития темы в публичном поле. Не менее удобны они и для работы по выявлению топографии данной темы, так как являются легко опознаваемыми единицами. Когда видишь данные открытого вопроса, невольно наталкиваешься на перифразы. Так, при ответе на вопрос, что же такое президент (опрос проводился в начале двухтысячных) большое число респондентов ответило словом «гарант» (сокращенный перифраз от «гарант конституции»; а последнее выражение — классический перифраз, обнаруживающий и фиксирующий в денотате «президент» определенную сторону). В случае открытых вопросов проблемой является установление синонимичных отношений между ответами, но в случае отбора перифраз в связи с какой-либо темой такой проблемы нет. Задача состоит в том, чтобы отобрать для дальнейшей работы заведомые общие места.

Алгоритм напрашивается сам собой. После отбора заведомых общих мест, выраженных перифразом, следует вернуться к содержанию реплики, откуда он извлечен, и посмотреть, какая сторона мысли (какой ее поворот) не покрывается перифразами. Эти мысли могут быть выражены топосами, представляющими собой законченные суждения. Это фразы вроде: «Запад заинтересован в ослаблении России», «Американцы во все лезут», «Всякая политика — грязное дело», «Земле угрожает экологическая катастрофа», «Молодежь не читает книг» и прочее.

Если перифразы тяготеют к устойчивости, то произвольная формулировка если не всех, то многих общих мест ставит проблему их генерализации в одном высказывании. Это также похоже на генерализацию высказываний при работе с открытыми вопросами. Разница в том, что высказывания рождены в естественной коммуникации, а не инициированы социологом. Ориентировать надо на устойчивость и частотность. Если поворот мысли соответствует расхожему афоризму,

он должен быть отобран. То, что остается, проверяется на частотность. Редкие по форме выражения ставятся в соответствие с частотными. В случае редкого поворота мысли остается то выражение, которое употреблено. Однако даже простой взгляд на интернет-посты показывает, что система топосов достаточно устойчива и компактна. Создается такое впечатление, что Сеть сама выступает в роли естественного социолога.

Топос и опрос

Пути использования полученных из Сети топосов могут быть различны. И наша цель состоит в том, чтобы обозначить общее направление использования топосов (перифраз и частотных суждений), полученных из Сети, а не разработать законченную методику. Последним, по-видимому, должен заниматься социолог, а не лингвист, а еще лучше — социолог в содружестве с лингвистом. В общем виде можно констатировать лишь то, что топосы следует рассматривать в паре с той темой, в связи с которой они появились. Разумеется, одни и те же топосы могут появляться в связи с разными темами. То есть структура любого опроса должна выглядеть так: констатируется Данное, то есть тема, а затем предлагается отреагировать на Новое, то есть на топос. Сам топос, как легко понять из предыдущего, может быть заявлен как тема.

Что предлагать в качестве вопроса? На поверхности лежат два случая, но, повторюсь, это должно быть разработано подробнее, и, возможно, есть какие-то другие способы, не сводящиеся к этим случаям.

Первый случай. Изучается один топос. Выясняется, кто, сколько и насколько склонен пользоваться данным топосом при развертывании темы. Анкета может быть самой разной. Может оцениваться с точки зрения респондента релевантность и частотность топоса, его адекватность и неадекватность, полезность или вредность, опасность, конструктивность или деструктивность. Методика может напоминать и открытый вопрос, но с двумя, а не с одним параметром: тема как фон плюс топос («Предложена такая-то тема, пользователь прибег к такому-то топосу, что Вы об этом думаете?»)

Что может дать такой опрос? Прежде всего, он позволяет оценить риторическую стратегию и показать степень ее действенности в тех или иных социальных сегментах. Здесь, как представляется, можно получить нетривиальные результаты.

Второй случай. Изучается репертуар топосов, который данный респондент находит уместным, вероятным, конструктивным. Иными словами, предлагается тема и список. К списку может быть приложен словарь готовых помет: истинно, ложно, опасное заблуждение, неприемлемо для обсуждения и т. п., с тем чтобы респондент их расставил. Как и в первом случае, здесь можно изучить эмоциональное

отношение к топосу, оценку его прагматических качеств, что позволит делать выводы о возможности или невозможности диалога, консенсуса. В этом, втором случае есть шанс получить представление не только о мнении как о характеристике одного респондента, но и о возможности обсуждения темы между носителями разных убеждений. Это, как мне кажется, значительно уточняет саму категорию «общественное мнение», делает ее более диалогичной. Общественное мнение предстанет в таком случае мнением, выработанным в обществе, а не суммой отдельных мнений, полученных «химическим» путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассуирова Л.В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: Дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2003.
2. *Белановский С.А.* Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.
3. *Бельчиков Ю.А.* Перифраза // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Флинта, 1990.
4. *Гаспаров М.Л.* Античная риторика как система // Михаил Гаспаров. Об античной поэзии. Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. С. 424–472.
5. *Качанов Ю.Л.* Начало социологии. М.: Изд-во «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Алетейя, 2000.
6. *Ломоносов М.В.* Об изобретении // Избранная проза. М.: Советская Россия, 1986.
7. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
8. *Рогозин Д.М.* Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
9. *Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.
10. *Хазагеров Г.Г.* Риторический словарь. М.: Флинта, Наука, 2009.
11. *Хазагеров Г.Г.* Топос vs концепт // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2008. № 3.
12. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
13. *Шматко Н.А.* Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 14–18 (<http://sociologos.net/textes/chmatko/topos.htm>).
14. Quintilian's institutes of oratory or education of an orator. London: Geoge Bell and sons, 1909.